

охранников поместий, служащих частных армий, вернувшихся с войны солдат, просто бандитов, которые к тому же создавали и дополнительные угрозы хозяйствующему населению. Западная Сицилия была более богатым районом с более интенсивной хозяйственной деятельностью, что, по мнению Гамбетты, и обусловило более широкое распространение мафии на западе. Таким образом историческая констелляция факторов спроса и предложения обусловила появление специфических предприятий, заменивших собой государство.

Экономическая модель мафии действительно проясняет и позволяет рационально объяснить многие поведенческие особенности ее членов. Она также несет в себе критический потенциал, отрицая культурную предрасположенность некоторых народов к преступной деятельности, что иногда предполагает субкультурный подход. Мафия или аналогичные структуры могут возникнуть там, где появляется сочетание специфических обстоятельств, способствующих возникновению рынка частной охраны и появлению независимых поставщиков соответствующих услуг вне связи с этнокультурной спецификой страны или сообщества, т. е. исключительно под действием экономических стимулов. Аналогичные явления наблюдались в США, Японии, Гонконге и России. Однако эта модель не в полной мере объясняет само формирование соответствующих организаций, их воспроизводство и эволюцию. Воспроизводство мафии на Сицилии на протяжении многих поколений невозможно объяснить лишь устойчивостью рынка, как если бы он был автономен от местной культуры, политики и действий самой мафии. Поэтому адекватное объяснение мафии возможно лишь путем наполнения той или иной модели конкретными историческими и социокультурными деталями.

МАФИЯ В США

В отличие от Сицилии, организованная преступность в США формировалась преимущественно в сферах противозаконной деятельности или торговли, таких как распространение наркотиков, подпольное производство алкоголя, проституция, азартные игры и т. д. Основной деятельностью подпольных синдикатов, состоявших главным образом из ирландских и еврейских эмигрантов, была торговля опиумом и кокаином, после того как в 1914 г. правительство приняло

Закон Гаррисона, запретивший свободную продажу этих наркотиков. К этому времени уже сформировался устойчивый спрос на опиаты и кокаин, поскольку число наркоманов, среди которых были в основном белые состоятельные женщины среднего возраста, достигло, по некоторым оценкам, 500 тыс. человек. Центром импорта и дальнейшего распространения наркотиков был город Филадельфия, а лидером картеля — Арнольд Ротштейн по кличке Мозг.²⁷

Но «золотой век» американской мафии начался после введения сухого закона в 1919 г. Как предшествовавшие события, так и последствия этого закона заслуживают отдельного внимания, поскольку хорошо иллюстрируют сложные причинно-следственные связи и роль непреднамеренных последствий в генезисе социальных институтов. Введению сухого закона предшествовало появление широкого общественного движения — «движения за воздержание» (*temperance movement*), которое было инициировано Американским обществом воздержания, основанным консервативной протестантской частью американского населения в 1826 г., а также Женской христианской лигой воздержания и Американской лигой против салунов (*Anti-Saloon League of America*). Впоследствии была создана Национальная партия за запрет алкоголя, которая перенесла широкую общественную инициативу по борьбе с пьянством в сферу законодательной политики. Однако, как выявило исследование, проведенное Джозефом Гусфилдом, в действительности это движение было направлено против новых иммигрантов, прежде всего ирландских католиков, которые и играли роль «модельных» пьяниц, разлагающих трудолюбивую протестантскую Америку.²⁸ Антиалкогольное движение было, по сути, классово-этнической борьбой с этническим и религиозным оттенком, — борьбой белого протестантского сегмента за рынки труда, лучшие поселенческие территории и другие возможности против ирландцев, а также евреев, итальянцев и других неанглоговорящих групп. В результате в январе 1919 г. была принята знаменитая 18-я поправка, а через 9 месяцев — подзаконные акты, регламентировавшие исполнение закона. Практически сразу начался рост подпольного алкогольного бизнеса — теневого производства, а также черного импорта алкоголя из Канады, открытие

²⁷ Michael Lyman and Gary Potter, *Organized Crime*, Upper Saddle River: Prentice Hall, 1997, p. 102–103.

²⁸ Joseph Gusfield, *Symbolic Crusade: Status Politics and the American Temperance Movement*, Urbana: University of Illinois Press, 1963.

подпольных баров и клубов (известных как *speakeasies*), которых в одном Чикаго во времена сухого закона насчитывалось до 10 тыс. Наиболее активными и эффективными в организации этого бизнеса оказались итальянские иммигранты и прежде всего выходцы с Сицилии, многие из которых прибыли в США, спасаясь от репрессий против мафии, развернутых Муссолини (наиболее известные среди них – Джозеф Боннано, Джозеф Профачи и Сальваторе Маранзано). Таким образом, сочетание борьбы между американскими протестантами и ирландскими католиками, законодательных мер в США и государственной политики в Италии этого же времени привели к последствиям, которых никто не планировал и не предсказал. Открылась новая предпринимательская ниша и новые возможности, которыми в силу имевшихся навыков и организации воспользовались прежде всего итальянские иммигранты. В результате того что отрицательные следствия явно перевешивали положительные, уже в 1933 г. закон был отменен. Но именно в этот период сформировалась мощная теневая экономика и организованная преступность, с которой власти США будут бороться последующие сорок лет, мафия же будет последовательно переносить свою деятельность в новые сферы: азартные игры, управление профсоюзами, торговля наркотиками и т. д.

Символом новой организованной преступности стали чикагские гангстеры и лидер наиболее крупной группировки Альфонс Капоне. Он родился, вырос и начал свою преступную деятельность в Нью-Йорке, но в 1920 г. после совершения нескольких убийств перебрался в Чикаго, примкнув вместе со своим наставником Джонни Торрио к сицилийской мафиозной группе Джима Колоссимо, который курировал проституцию. Вскоре Колоссимо был устранен и Торрио с Капоне вложили все силы и средства в организацию подпольного алкогольного бизнеса, который приносил обоим до 100 тыс. долларов чистой прибыли в неделю. По инициативе Капоне чикагские гангстеры заключили перемирие, разделив Чикаго на зоны влияния: конкурирующей ирландской группировке О'Бэньона досталась северная часть города. Но перемирие просуществовало до 1924 г., после чего началась война, послужившая прообразом для всех гангстерских боевиков. О'Бэньон был убит и лидерство «северных» перешло к Чарлзу Морану, штаб которого находился в просторном гараже на Кларк-стрит. Знаменитый эпизод этой войны вошел в историю как «бойня в день святого Валентина». 14 февраля 1929 г. по приказу Капоне три киллера, переодетых в поли-

цейских, подъехали к гаражу, вошли, поставили к стенке якобы для обыска семерых находившихся там ничего не подозревавших гангстеров и хладнокровно расстреляли их всех. Сам Моран, который должен был туда прийти, опоздал, и это спасло ему жизнь. Но вскоре его влияние сошло на нет, и Капоне практически монополизировал организованную преступность в Чикаго. В апреле 1930 г. Криминальная комиссия Чикаго опубликовала список из 28 «врагов общества», который возглавлял Капоне – «враг общества номер один». Примечательно, что всего лишь год спустя киностудия *Warner Brothers* и режиссер Джеймс Кэгни выпустили фильм про Капоне *Public Enemy*, в котором известный гангстер обладал привлекательными манерами и вел роскошный образ жизни, став своего рода ролевой моделью для Америки 1930-х. По мнению социолога Дэвида Рута, именно после того, как Голливуд сконструировал Капоне, гангстер стал центральной фигурой американской культуры. Образ гангстера помогал американцам осваивать и осмысливать быстро меняющийся мир.²⁹

Карьера Капоне иллюстрирует важную закономерность в отношениях мафии и государства. До тех пор пока мафия действует в тени, не бросает публичный вызов власти и от ее действий не страдают обычные граждане, официальные власти не предпринимают против нее активных действий. Но когда лидеры мафии переоценивают свое влияние и их действия наносят ущерб репутации властей, последние, как правило, расправляются с лидерами мафии. Сальваторе Риина, Альфонс Капоне, Пабло Эскобар, Владимир Кумарин закончили свою карьеру публично известных лидеров мафии после того, как бросили открытый вызов властям и не справились с ответной реакцией. Капоне был посажен в тюрьму летом 1931 г. на 11 лет за уклонение от уплаты налогов, освобожден досрочно по состоянию здоровья в 1939 г. и умер своей смертью в 1947 г.³⁰

В Нью-Йорке в это же время наблюдался аналогичный бум бутлегерства и организованной преступности. В 1930 г. там тоже начался конфликт между крупнейшими конкурирующими группировками – Джо Массерии и Сальваторе Маранзано, – вошедший

²⁹ David Ruth, *Inventing the Public Enemy: The Gangster in American Culture, 1918–1934*, Chicago: The University of Chicago Press, 1996.

³⁰ Подробно см.: Laurence Bergreen, *Capone: The Man and the Legend*, London: MacMillan, 1994.

в историю как Каstellамарская война (по названию городка на Сицилии). Причиной большинства таких войн было то, что гангстеры периодически перехватывали грузовики с алкоголем, принадлежащим конкурентам, и отнимали товар. Кульминацией Каstellамарской войны стало убийство обоих боссов, сначала Массерии, а потом Маранзано, классического сицилийского мафиозо, ставшего на короткое время после смерти конкурента «боссом всех боссов». Убийство было подготовлено новыми молодыми гангстерами Чарлзом Лаки Лучиано, Джо Адонисом, Франком Костелло, Мейером Лански и Бенджамином Зигелем (Багси Зигель, которому американский народ обязан появлением Лас-Вегаса), работавшими сначала с одним, а потом с другим лидером и предавшими обоих для того, чтобы самим занять господствующие позиции в преступном мире Нью-Йорка. Впоследствии американский криминалист Дэвид Кресси напишет, что в течение нескольких дней после убийства Маранзано 10 сентября 1931 г., произошла серия из сорока других убийств и что это было устранение классических сицилийских мафиози новыми молодыми гангстерами, руководствовавшимися исключительно интересами бизнеса. В отличие от своих «усатых» сицилийских донов, чтивших сельские традиции родины, новое поколение городских гангстеров выросло в Бруклине и Бронксе. Они были рациональны, динамичны, руководствовались исключительно интересами бизнеса и были гораздо лучше интегрированы в американское общество, разделяя его ценности и стремление к успеху, который измерялся прежде всего деньгами. И хотя постепенная смена поколений в американской мафии на рубеже 1930-х гг. действительно имела место, обширный заговор, на который указывали представители официальной американской криминалистики, был скорее всего мифом. Историк мафии Алан Блок, проверив все основные американские газеты, вышедшие в течение месяца после убийства Маранзано, обнаружил только три других убийства, которые могли быть как-то связаны, что полностью опровергало версию об организованной «чистке» мафии.³¹

Тем не менее версия властей о существовании мафии как обширной подпольной организации, состоявшей преимущественно из сицилийцев и представителей других этнических групп, своего рода

³¹ Alan Block, "History and the Study of Organized Crime", *Urban Life*, 1978, N 6, p. 455–474. См. также: Alan Block, *East Side – West Side: Organizing Crime in New York, 1930–1950*, New Brunswick: Transaction, 1983.

заговоре иммигрантов, приобрела популярность по мере усиления борьбы с организованной преступностью. В предвоенные годы борьбу с мафией возглавил прокурор Нью-Йорка Джон Дьюи, наивысшим достижением которого было уголовное дело против Лаки Лучиано за принуждение к проституции: глава нью-йоркской мафии был осужден на 50 лет. Новый этап борьбы властей с мафией пришелся на 1950 г., когда была создана так называемая Комиссия Кефауэра (по имени сенатора от штата Теннесси Эстеса Кефауэра). В течение двух лет перед комиссией предстали около 600 свидетелей, давших показания о различных аспектах организованной преступности. Слушания комиссии показывались по телевидению, что впервые сделало мафию фактом публичной жизни в США. Однако показания в пользу существования разветвленного преступного синдиката давали только представители власти, ФБР и Комиссии по наркотикам, в то время как все представители мафии, вызванные на слушания, говорили, что ничего о мафии не слышали (этот эпизод нашел отражение во второй части фильма «Крестный отец»). Единственным свидетельством, исходившим «с той стороны», стали показания Джо Валачи, данные им перед комиссией сенатора Маклеллана в 1963 г. Валачи был одним из рядовых членов мафиозного семейства Гамбино в Нью-Йорке, затем попал в тюрьму, где совершил убийство другого члена мафии, и, опасаясь мести, вынужден был пойти на сотрудничество с властями в обмен на гарантии безопасности. Именно Валачи ввел в обиход термин *La Cosa Nostra* (в котором артикль *La* обозначал некую осязаемую сущность, в отличие от просто «общего дела»), рассказал о существовании верховного совета мафии под названием «Комиссия», описал жесткую иерархическую структуру мафии, ритуал инициации и назвал основные территории мафиозных семей. В результате показаний Валачи окончательно оформилась теория организованной преступности, представлявшая ее как единую иерархическую организацию, и теория этнического заговора, обвинявшая во всем представителей меньшинств. Наиболее полно эта теория выражена в работе Кресси «Похищение нации: структура и операции организованной преступности в США» (1967).³² По данным ФБР, к началу 1970-х гг. американская мафия насчитывала до 3 тыс. человек, организованных в 24 мафиозных семьи.

³² David Cressey, *Theft of the Nation: The Structure and Operations of Organized Crime in America*, New York: Harper and Row, 1969.